

Заметки к родословной Е.П. Блаватской

IV

Иван Алексеевич Ган

Иван Алексеевич Ган (Johann Heinrich von Hahn) (1810–1889), родной дядя Елены Петровны Блаватской, родился в Каменце-Подольском, где его отец, генерал-майор Алексей Федорович Ган, служил комендантом в 1801–1814 годах. Иван был пятым, самым младшим сыном в семье генерала и его жены Елизаветы Максимовны, урожденной фон Пребстинг (von Pröbsting). Как и родители, И.А. Ган в течение жизни придерживался лютеранского вероисповедания¹. После смерти отца воспитывался в семье генерал-майора Николая Васильевича Васильчикова, за которого его мать вышла замуж в 1815 году. В существующей литературе наиболее полно сведения об И.А. Гане изложены в работе известного генеалога А.А. Шумкова «Хотилицкие Ганы»².

В 1822–1828 годах Иван Ган прошел обучение в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге, из которого выпущен корнетом 20 декабря 1828 года в Стародубовский кирасирский полк. В 1830 году прикомандирован к Лейб-гвардии Кирасирскому Его Императорского Величества полку и 6 января 1831 года переведен в этот полк. И.А. Ган – участник Польской кампании 1831 года. Награжден серебряной медалью за взятие Варшавы и Польским знаком отличия за военное достоинство 4 степени³.

Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк, один из старейших полков Русской императорской армии, сформирован в 1702 году под названием Драгунского князя Григория Волконского полка. За храбрость, проявленную во время Отечественной войны 1812 года, полк причислили к молодой гвардии. В 1831 году дивизионы полка приняли участие в усмирении польского мятежа и совершили поход в отряде великого князя Михаила Павловича. 22 августа 1831 года Лейб-гвардии Кирасирский полк, соединенный с Лейб-гвардии Подольским Кирасирским полком, получил права старой гвардии и был назван Лейб-гвардии Кирасирским Его Величества полком⁴.

---

¹ Каменец-Подольский – центр Подольской губернии, ныне город в Хмельницкой области (Украина), историко-архитектурный заповедник, внесен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

База данных Э. Амбургера об иностранцах, живших и работавших в дореволюционной России: Erik-Amburger-Datenbank // Leibniz-Institut für Ost- und Südosteuropaforschung (IOS).

Амбургер Эрик Николаевич (1907–2001) – российский и немецкий историк; с 1920 г. жил в Германии; доктор философии, специалист по немецко-русским отношениям Института славистики Восточно-Берлинской Академии наук, автор около 200 крупных работ, книг и статей.

² Шумков А.А. Хотилицкие Ганы // КАРАМЫШ: Краеведческий и исторический альманах. М.: ООО «Старая Басманная», 2012.

³ База данных Э. Амбургера; Шумков А.А. Хотилицкие Ганы; Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. К., 1876; Левшин Д.М. Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет. 1802–1902. Т. 2. СПб., 1902; Фрейман О.Р. Пажи за 185 лет (1711–1896). Биографии бывших пажей с портретами. Фридрихсгамн, 1894–1897; История Лейб-гвардии Кирасирского полка / Сост. А. Туган-Мирза Барановский. СПб., 1872; Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1829; Месяцословы на 1831–1836, 1840–1842 гг.

Срок обучения в Пажеском корпусе составлял 7 лет (5 – общий курс и 2 – специальный). По положению 1827 г. Пажеский корпус представлял собой в строевом отношении роту (134 пажа и 16 камер-пажей) (Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003).

⁴ Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1913; Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской главной квартиры / Под ред. В.К. Шенка. СПб., 1910; История Лейб-гвардии Кирасирского Е.В. полка. СПб.: Воен. тип., 1833; История Лейб-гвардии Кирасирского полка / Сост. А. Туган-Мирза Барановский.

Гвардия в сухопутных войсках находилась в привилегированном положении, особенно так называемая старая гвардия, ставшая первыми частями регулярной армии при Петре I. Гвардейские офицеры из-за отсутствия в гвардии чинов подполковника и майора пользовались преимуществом в два чина перед армейскими (Волков С.В. Русский офицерский корпус). Молодая гвардия имела старшинство в один чин.

Гвардейцы в русской армии отличались силой и ростом. В кирасиры брали рослых людей, кони подбирались для них сильные, тяжелые. Кирасирский полк Его Величества, как пишут историки, «славился высокими, рыжими, длинноносими солдатами»¹. С 1823 года гвардейской кавалерии положено было иметь в полках одношерстных лошадей и полк получил лошадей рыжей масти². Казармы Кирасирского Его Величества полка располагались в Царском Селе, а кирасиров именовали царскосельскими или желтыми (по цвету прикладного сукна – воротник, обшлага) в отличие от кирасиров Ее Величества полка, именовавшихся соответственно синими или гатчинскими³.

28 января 1835 года И.А. Гану присвоен чин поручика, а 26 июня того же года он утвержден казначеем полка⁴. 6 декабря 1838 года И.А. Ган произведен в штабс-ротмистры⁵.

Прослужив 14 лет в офицерских чинах, в декабре 1842 года Иван Ган вышел в отставку. Приказ Николая I гласил⁶:

Его Императорское Величество
в присутствии Своем
в С.-Петербурге,
Декабря 28 дня 1842 года,
соизволил отдать следующий
ПРИКАЗ

*Увольняются:
От службы, по
домашним обстоятельствам*

По кавалерии
Лейб-Гвардии Кирасирского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка,
Штабс-Ротмистр *Ган*, для определения к статским
делам, с чином Надворного Советника.

Вскоре после отставки, 15 января 1843 года, Иван Ган был причислен к Почтовому департаменту в Санкт-Петербурге, где прослужил до 1854 года⁷.

¹ *Введенский Г.* Кирасиры. Кавалерия Российской армии. СПб.: Издательство «Аврора», 2004.

«Гвардия прежних веков формировалась в мирные дни, когда можно было не спешить с выбором, рассортировать новобранцев по экстерьеру: голубоглазые блондины – направо, черноокие брюнеты – налево, рыжие и конопатые – отдельно. Кто повыше ростом и пошире в груди – тех в гренадеры, кто полегче – в кирасиры, а самых красивых, разумеется, в гусары. Сказано же у Козьмы Пруткова: “Хочешь быть красивым – иди в гусары”» (*Владимов Г.* Это гордое победное слово // Родина. Российской гвардии 300 лет. 2000. № 11).

² История Лейб-гвардии Кирасирского полка / Сост. А. Туган-Мирза Барановский; История Лейб-гвардии Кирасирского Е.В. полка; Военная энциклопедия.

³ *Введенский Г.* Кирасиры. Кавалерия Российской армии.

⁴ *Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы; Месяцословы на 1835–1838 гг.

Гвардейский поручик был равен армейскому капитану. На должности полковых казначеев и квартирмейстеров назначение до 1876 г. проводилось по результатам выборов всеми офицерами части (*Волков С.В.* Русский офицерский корпус).

Казначей получал, хранил и расходовал поступающие в полк деньги, вел денежные книги, принимал и заготавливал вещи и материалы для обмундирования, предметы для канцелярии и комиссариатского ведомства, ведал выдачей всего необходимого для определенных комитетом работ и составлял о них ведомости (*История Лейб-гвардии Кирасирского полка / Сост. А. Туган-Мирза Барановский*).

⁵ *Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы; Месяцословы на 1840–1842 гг.

В гвардии производство в чины проводилось не по старшинству, а «достоинству», т.е. по выбору начальства, и осуществлялось непосредственно императором. Сведения об этом публиковались в «Высочайших приказах о чинах военных» (*Волков С.В.* Русский офицерский корпус).

⁶ Высочайшие приказы о чинах военных с 1 июля по 31 декабря 1842. СПб., 1842; *Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы.

⁷ *Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы; Список чиновникам Почтового ведомства и почтовым местам 1844 года. СПб., 1844; Адрес-календари на 1843–1853 гг., 1855–1857, 1858–1860, 1859–1860, 1860–1861, 1861–1862, 1862–1863; Памятные книжки Саратовской губернии на 1858–1860 гг.; Список кавалерам российских императорских и царских орденов и имеющим знаки отличия беспорочной службы, Всемилостивейше пожалованным в течение 1845 года. СПб., 1846; Список гражданским чинам шестого класса. СПб., 1847; Списки гражданским чинам пятого класса на 1850, 1852, 1854, 1856 гг.; Списки гражданским чинам четвертого класса на 1857, 1861, 1869–1872 гг.

В 1846 году произведен в коллежские советники и назначен начальником VI отделения Почтового департамента. В 1850 году произведен в статские советники.

5 мая 1854 года назначен председателем Саратовской казенной палаты и занимал этот пост в Саратове до 1863 года. 25 октября 1857 года произведен в действительные статские советники.

17 февраля 1863 года председатель Саратовской казенной палаты И.А. Ган уволен по домашним обстоятельствам.

Награды И.А. Гана во время гражданской службы:

- знак отличия за беспорочную службу за XV лет (1845);
- знак отличия за беспорочную службу за XX лет (1850);
- орден Св. Иоанна Иерусалимского (1854); пожалован Королем Пруссии за составление для прусского Почтового ведомства статистического почтового атласа России на немецком языке;
- орден Св. Анны 2 степени (1954);
- знак отличия за беспорочную службу за XXV лет (1857);
- орден Св. Анны 2 степени с Императорской короной (1959);
- орден Св. Владимира 3 степени (1861);
- бронзовая медаль в память окончания Крымской войны 1853–1856 гг.

В отставке И.А. Ган находился с 17 февраля 1863 по 25 февраля 1868 года¹ и с этого времени, надо полагать, проживал в усадьбе Хотилицы Торопецкого уезда Псковской губернии. Кроме того, ему принадлежало родовое имение в Ярославской губернии. Какая-то часть этого имения была выделена И.А. Гану, предположительно, к женьтебе. Другую, в Сереновской волости Ярославского уезда, он получил по духовному завещанию своей матери, Елизаветы Максимовны Васильчиковой, по первому мужу Ган².

Определением Псковского дворянского депутатского собрания в 1868 году И.А. Ган по чину корнета был признан в правах потомственного дворянства и внесен во вторую часть дворянской родословной книги Псковской губернии³.

Адрес проживания И.А. Гана в Петербурге в 1844 г.: «Ган, Иван Алексеев., в Кабинетск. ул. Моск. ч. дом Аллера» (*Нистрем К.* Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. Т. 1. СПб., 1844).

В 1854 г.: «Ган, Ив. Алекс., Ст. Сов. и кав., Начальн. VI Отд. Почт. Д-та; Лит. Итальянск. ул. 13, дом Чаруковского». (Путеводитель. 60,000 адресов Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и пр. СПб., 1854).

Утверждение, встречающееся в жизнеописаниях Е.П. Блаватской, что И.А. Ган был «начальником российских портов в Санкт-Петербурге» (*Блаватская Е.П.* Письма А.П. Синнетту. М.: Сфера, 1996) или «директором департамента портов России в Санкт-Петербурге» (*Нэф М.* «Личные мемуары Е.П. Блаватской» М.: «Сфера» РГО, 1993), не соответствует действительности. Департамента портов не существовало ни при Морском министерстве, ни при Министерстве финансов, ведающем торговым мореходством. Заведование торговыми портами в техническом отношении было возложено на Главное управление путей сообщения, Главное управление путей сообщения и публичных зданий с 1833 г., Министерство путей сообщения с 1865 г. Для административного заведования торговыми портами центрального органа не было создано.

В книге «Письма А.П. Синнетту» – «The Letters of H.P. Blavatsky to A.P. Sinnett and Other Miscellaneous Letters Transcribed, Compiled, and with an Introduction By A.T. Barker (T.Fisher Unwin LTD. London: Adelphi Terrace. First published in 1925) – во фразе «Uncle Ivan Aleksievitch von Hahn was Director of the Ports of Russia in St. Petersburg», возможно, допущена ошибка из-за близкого написания слов «port» и «post».

¹ Список гражданским чинам четвертого класса. По 15 сентября 1869 года. СПб., 1869.

² *Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы.

«Духовное завещание Елизаветы Максимовны Васильчиковой, вдовы Георгиевского кавалера генерал-майора Николая Васильевича Васильчикова (1781–25.12.1839), по первому мужу Ган, написано 06.03.1846 и явлено 22.11.1852 в Ярославском земском суде для ввода во владение доставшимся ей на седьмую часть от покойного мужа Н.В. Васильчикова по акту, совершенному в Петербурге 10.04.1840, Ярославского уезда: села Сереново (Сиренево) и Пономарево (Панамарево), Яковлевскую слободу (ныне Заволжский район гор. Ярославля) с деревнями Сереновской волости Васильевское, Юритино, Почасво, Гранотово, Сосницы, Борисово, Матренино, Шебулино, Кобыляево, Полочаниново, Иваньково, Фишиново (или Фли...), Подвyezная. Всего крестьян обоего пола 911 душ (8 отпущено на волю) и 3849 десятин земли в Пономаревской и Сереновской дачах» (Там же).

³ Там же. Определение утверждено указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 08.04.1868 г. за № 1851.

Все последующие годы И.А. Ган являлся действительным членом губернского статистического комитета Торопецкого уезда, дважды избирался уездным предводителем дворянства (1868–1871, 1874–1876). В разное время был почетным мировым судьей, гласным Торопецкого уезда, членом училищного совета и общества взаимного кредита Торопецкого уездного земства¹. Ниже приводятся стихотворения Александра Яхонтова о статистическом комитете, казнокрадстве, взятках и гласности, дополняющие историческую картину того времени².

Скончался Иван Алексеевич Ган в селе Хотилицы 30 апреля 1889 года и погребен 4 мая близ церкви Спаса Нерукотворного Образа погоста Хотилицы³.

* * *

В своей жизни И.А. Ган представляется весьма дельным, активным человеком, проявившим себя и на службе, и на других поприщах. Он был действительным членом Императорского Русского географического общества, входил в состав политико-экономического комитета при отделении статистики⁴. Так, в сборнике статистических сведений о России, издаваемом статистическим отделением ИРГО, за 1854 год вышла его большая статья «О почтах в России»⁵.

Историк И.П. Козловский, посвятивший свою ученую деятельность дисциплинам источниковедения и историографии, говоря в одной из своих работ о первых почтах и почтмейстерах в Московском государстве и недостатках прежних ученых статей в этой области, подчеркивал важность появления в печати в 1846 году некоторых материалов под заглавием «Собрание законов по управлению почтовому», что «дало возможность появиться второй ученой статье И. Гана, О почтах в России... Г[осподин] Ган впервые прибавил к документальным данным известия, заимствованные из иностранного источника (соч. Кильбургера)»⁶.

Эта работа И.А. Гана упомянута и в статье П.П. Семенова «История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества 1845–1895» в главе «Издательская деятельность Общества и заботы его о научных пособиях: библиотеке и музее Общества»⁷.

В трудах ИРГО отмечена также работа И.А. Гана по окончанию составления карты северо-западной части Средней Азии. Вот что сообщает П.П. Семенов в той же статье в главе «Исследования и работы по географии внутренней Азии»:

«В начале рассматриваемого периода самым ревностным поборником необходимости изучения сопредельных с Россией стран Внутренней Азии был талантливый Я.В. Ханьков, сделавшийся в начале 1851 года Секретарем Общества. Уже в начале 1850 года Ханьков, вместе с А.П. Болотовым, приняли на себя, по поручению Общества, составление, по новейшим сведениям, карты с.-з. части Средней Азии <...> Картографические труды Ханькова обратили на себя внимание ученого мира, его карта была издана на французском

¹ Памятные книжки Псковской губернии на 1869, 1870, 1872, 1874–1877, 1879–1883, 1886, 1888, 1889, 1891 гг.; Адрес-календари на 1869, 1871, 1874–1877 гг.; Списки гражданским чинам четвертого класса на 1869–1872 гг.

² Яхонтов Александр Николаевич (1820–1890) – родной брат Николая Николаевича Яхонтова (1827–1857), первого мужа Веры Петровны Ган, младшей сестры Е.П. Блаватской и племянницы И.А. Гана. Лицейский выпуск 1838 г., известный поэт, переводчик, автор популярных книг для крестьян, деятель в области народного образования, директор училищ Псковской губ., действительный статский советник. Известен переводами драмы «Торквато Тассо», «Ифигении в Тавриде», «Венецианских эпитаграмм» Гете, «Эмилии Галотти» Лессинга, а также стихотворений Гете, Шиллера, Гейне, Мицкевича и др.

³ Шумков А.А. Хотилицкие Ганы.

⁴ РГО учреждено 6 августа 1845 г.; наименовано Императорским 28 декабря 1849 г.

⁵ О почтах в России / Сост. И.А. Ган // Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Императорского Русского географического общества. Кн. II. СПб., 1854.

О почтах в России. Состав. И.А. Ган. 1854 г. // В.Д. Левинский, И.Ф. Токмаков. Указатель материалов по истории почт в России. М., 1881.

⁶ Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. 1. Варшава, 1913.

⁷ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества 1845–1895. Ч. I. СПб., 1896.

языке Парижским Географическим Обществом и, по представлению А. Гумбольдта, король Прусский пожаловал Ханыкову орден Красного Орла 2-й степени. <...>

Составление же общей карты с.-з. части Средней Азии, над которой так много потрудились А.П. Болотов и Я.В. Ханыков, ...совершенно прекратилось, когда в 1855 г. скончался А.П. Болотов, а талантливого Я.В. Ханыкова постигла душевная болезнь, очень быстро прекратившая и его жизнь.

Впрочем, Совет Общества в 1853–1854 гг. употребил все свои усилия для того, чтобы закончить наполовину исполненное Болотовым и Ханыковым дело. В 1853 же году Общество отдало составленные, но не оконченные листы карты (их было 6) на рассмотрение своему Д. Чл. И.А. Гану. Ган представил Совету подробные соображения по этому предмету и даже смету расходов по окончанию и изданию труда. <...> Затем прошли годы, сделанная работа устарела, а постепенное занятие Туркестана и масса совершенных там съемок и геодезических работ понемногу вывели картографию этой части Средней Азии из того гадательного положения, в котором она находилась в рассматриваемом периоде и в издании устаревшей карты уже не было надобности»¹.

Не менее активно И.А. Ган проявил себя и во время службы в Саратове.

«Саратов в ту пору немногим отличался от губернских городов своего времени, – сообщалось в журнале «Русская старина». – Большого научного центра, как теперь, он еще не представлял, но в нем, помимо обычных казенных учебных заведений, уже насчитывалось несколько частных училищ. <...> Благодаря ссылке в него политических преступников и привлечению в край людей образованных, в нем уже в ту пору начинает замечаться некоторый оттенок прогрессивного направления. 50-ые годы составляют в жизни его едва ли не самый блестящий период умственного подъема людей мыслящих. В это время мы видим в нем Чернышевского, Костомарова, Мордовцева, А.Ф. Леопольдова, В.Г. Варенцова, Н.А. Мордвинова, И.А. Ган и другие молодые силы, рвавшиеся к кипучей деятельности, после тяжелой Севастопольской войны, в эпоху перед освобождением крестьян. Пылкий и увлекающийся Белов [известный педагог, историк] со своими обширными стремлениями на пользу ближнего, по приезде в Саратов, сразу вошел в водоворот заманчивой жизни. <...> Чрез посредство Чернышевского он познакомился с историком Н.И. Костомаровым... <...> Они составляли тесный товарищеский кружок с либеральным направлением. Каждый вторник приятели собирались у Белова, куда часто заглядывал управляющий саратовской удельной конторы Н.А. Мордвинов с некоторыми своими служащими, заходил изредка М.А. Лакомте, бывший в то время старшим учителем истории в гимназии, принимал еще деятельное участие в кружке Иван Алексеевич Ган, председатель саратовской казенной палаты. <...>

Собрания эти нельзя было назвать строго-литературными. Сами участники кружка именовали их “говорильнями”, потому что тут говорилось обо всем и без конца. Все интересное в области литературы, искусств, философии, педагогики, прочих наук, а также жгучие современные вопросы всесторонне освещались и дебатировались. Каждая свежая книжка “Отечественных записок” разбиралась положительно по косточкам. В числе самых заядлых ораторов были Костомаров и Чернышевский. <...> Так незаметно и нескучно короталось свободное время. Сегодня собирались у одних, завтра у других. <...>

Конечно, на вечерах этих не выставлялось никаких угощений. Придут, посидят, поболтают, поспорят до кипячения, ну, выпьют по стакану чая, если любезная хозяйка или добрый хозяин раскошелятся приготовить самовар, и мирно разойдутся иногда в 2-3 часа ночи. Люди собирались не для еды, а для широкого общения в области человеческой мысли. Они жаждали часов свиданья для обмена впечатлениями, накопившимися за короткий промежуток времени их разлуки между журфиксами...»².

Есть и другие упоминания об Иване Гане. К примеру, «17-го сентября 1854 года барон Корф по поводу “Великорусских песен, собранных в Саратовской губернии” и напечатанных в № 34-м “Саратовских Губернских Ведомостей”, писал Норову [министру народного просвещения, ведавшему Цензурным комитетом], что они представляют, почти все, самую

¹ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества 1845–1895.

² Юдин П. Е.А. Белов. К 10-летию его кончины // Русская старина. 1905. Т. 124. № 12.

преступную и печальную сторону семейного быта, именно тоску и отчаяние мужей, которым опостытели их жены и которые ищут себе удовольствий и утешений вне семейной жизни. Не обращаясь к вопросу, точно ли все эти песни суть народные... не излишним, однако же, было бы предостеречь... цензурное ведомство, на будущее время, что народные песни, предаваемые печати, должны подлежать столько же осмотрительной цензуре, как и все другие произведения словесности; а потому не следует пропускать такие, в которых воспевается разврат, позорящий и разрушающий семейный быт; желательно, напротив, чтобы подобные песни, если они точно живут в народе, искоренялись даже в самых его преданиях, а не поддерживались и не обновлялись в памяти появлением их в печати»¹.

Далее барон Корф довел до сведения государя, что вышеозначенные песни пропустил в печать директор училищ Саратовской губернии Мейер. В итоге министр народного просвещения «устранил Мейера от цензурной обязанности, ходатайствуя вместе с тем, чтобы, вслед за объявлением ему ареста, даровать ему всемиловитейшее прощение... <...> Вследствие же ходатайства министра финансов, Брока, высочайше разрешено не объявлять председателю Саратовской казенной палаты, статскому советнику Гану (управлявшему Саратовской губерниею), выговора за помещение в тамошних ведомостях безнравственных песен...»².

И такая заметка: «В 1855 году Саратов постигло бедствие: были большие пожары. Постоянно то одному, то другому домовладельцу подбрасывались подметные письма, угрожавшие пожаром. В городе была сильнейшая паника. Почти во всех домах имущество было уложено в возы, чтобы, в случае близкого пожара, вывезти его в безопасное место. Некоторые жители даже выехали из города и жили около него в шалашах, где держали и имущество. Все пожарные и полиция измучились: иногда бывало до ста пожаров в день в разных местах города. Над Саратовом все время носился дым от пожара. Образовалась из жителей полиция для караула. Весь город разделили на участки, которыми заведовали выборные. Начальником над такой полицией был Ган, председатель казенной палаты. Но ничто не помогало; пожары все возрастали. Много говору вызывали эти пожары...»³.

Во время службы в Саратове И.А. Ган собрал материалы и опубликовал работу «О настоящем быте мещан Саратовской губернии»⁴. В обозрении журнала «Современник» отмечалось: «Брошюра эта, изданная Высочайше учрежденною комиссиею для улучшения системы податей и пошлин, написана одним из членов комиссии, г. Ганом, и была приложена к “Экономическому Указателю” за нынешний год... Мы надеемся, что ни “Экономический Указатель”, ни сам автор записки не найдут противным своему намерению то, что мы предоставим здесь длинные выписки из этой замечательной брошюры, хвалить которую было бы излишне»⁵.

В книге внучки Н.Г. Чернышевского Нины Михайловны Чернышевской рассказывается о саратовских годах жизни известного демократа и его связях с родным городом. «Очевидно, – пишет Н.М. Чернышевская, – во время пребывания в Саратове Николай Гаврилович узнал, что Ган готовит к печати свои материалы, беседовал с ним по этому вопросу и заинтересовался будущей книжкой. Ему было ясно, что комиссия не в состоянии разрешить задачу облегчения податной тяжести для низших слоев населения, но собранный ею фактический материал был нужен “Современнику” для обличения крепостнического строя и самодержавия. <...> Заслуга И.А. Гана заключалась в том, что он вскрыл чрезвычайно тяжелое положение саратовских помещичьих крестьян и городской бедноты – мещанства, которые оказались наиболее неплатежеспособными из всех плательщиков государственных податей. <...> В своей брошюре И.А. Ган проводил мысль о том, что “правительственными учреждениями нельзя изменить направление народной

¹ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1904. Т. 117. № 1.

² Там же.

³ *Лебедев А.А.* Н.Г. Чернышевский (наброски по неизданным материалам) // Русская старина. 1912. Т. 150. № 5.

⁴ О настоящем быте мещан Саратовской губернии. Записка И.А. Гана / Изд. Комиссии для улучшения системы податей и пошлин. СПб., 1860.

Ган И.А. О настоящем быте мещан Саратовской губернии // Экономист. СПб., 1861. Т. 4. № 1.

⁵ О настоящем быте мещан Саратовской губернии. Записка И.А. Гана // Современник. 1861. Т. 85. № 1. Современное обозрение.

деятельности; скорее правительство вместо сочувствия встретит открытое сопротивление своим нововведениям, если они не отвечают внутренней потребности народа”. Эту мысль и ценный фактический материал, собранный И.А. Ганом, редакция “Современника” умело использовала в целях проводимой Чернышевским пропаганды крестьянской революции»¹.

В 1861 году в журнале «Экономист», посвященном политической экономии, статистике и вспомогательным наукам под редакцией И.В. Вернадского, вышла еще одна статья И.А. Гана «О ревизии»².

Его труды не забыты и сейчас, к ним продолжают обращаться современные ученые³.

И еще один штрих. В 1858–1859 годах в России побывал Александр Дюма, совершивший поездку из Петербурга в Москву, по Волге до Астрахани и далее по Кавказу. Рассказ о своей поездке Дюма опубликовал в 1858 году в собственном журнале «Monte-Cristo», а затем в двух книгах «En Russie» и «Le Caucase», а в России его путешествие подробно описал известный литературовед С.Н. Дурылин⁴.

В 1840 году во Франции вышел в свет роман Дюма под названием «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в С.-Петербурге», запрещенный Николаем I. В основу сюжета легла история декабриста Ивана Анненкова и его жены, француженки Прасковьи Анненковой, урожденной Полины Гебль, разделившей судьбу мужа на каторге в Сибири. Естественно, пока был жив Николай I, Дюма не мог приехать в Россию. При Александре II он наконец получил разрешение на въезд, но «правительство ни на минуту не упускало путешествующего Дюма из своих глаз и учредило над ним тайный полицейский надзор, настолько секретный, что сам Дюма никогда не узнал о нем, как не узнали этого и все биографы писателя»⁵. Это выяснилось гораздо позже, «когда архив III отделения – архив русской тайной полиции – стал достоянием исследователей»⁶.

18 июля 1858 года в III отделении было начато дело «Об учреждении надзора за французским подданным, писателем Александром Дюма». В этот день глава политической полиции князь В.А. Долгоруков направил предписание в те города, которые намеревался посетить автор «Записок учителя фехтования». Таким образом все путешествие Дюма было взято под непрерывное наблюдение и донесения следовали одно за другим. Власти, что называется, передавали его с рук на руки.

Пребывание в Казани оказалось для Дюма столь приятным, что он сделал вывод: «Я не знаю путешествия более легкого, покойного и приятного, чем путешествие по России. Услужливость всякого рода, приношения всякого вида всюду сопутствуют вам: каждый

---

¹ Чернышевская Н.М. Н.Г. Чернышевский и Саратов. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1978 // Николай Гаврилович Чернышевский (сайт). Режим доступа: <http://n-g-chernyshevsky.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st000.shtml>

² Ган И.А. О ревизии // Экономист. 1861. Т. 4. № 12.

Ган И.А. О ревизии: Записка чл. Комис. И.А. Гана. СПб., 1861 (Комиссия высочайше учрежденная для улучшения системы податей и пошлин. Отдел прямых податей. Материалы).

«Экономист» – журнал И.В. Вернадского, выходивший в 1858–1861 гг. как приложение к еженедельнику «Экономический указатель», а в 1862–1865 гг. как самостоятельное издание.

Вернадский Иван Васильевич (1821–1884) – ординарный профессор политической экономии и статистики в Главном Педагогическом институте, тайный советник, действительный член ИРГО, председатель политико-экономического комитета этого общества, отец академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945).

³ Напр.: Шевцова Г.А. Фельдъегерская связь в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мос. гос. област. ун-т. М., 2003. 24 с.;

Соколов К.В. Правительственная связь Российской империи: Конец XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. М., 2005. 25 с.;

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 548 с., 566 с.;

Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской империи: XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Владимир. юрид. ин-т. Владимир, 2005. 25 с..

⁴ Дурылин С. Александр Дюма-отец в России // Литературное наследство. Т. 31–32. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

Дурылин Сергей Николаевич (1886–1954) – известный писатель, литературовед, историк театра, педагог, мемуарист, прославился многогранностью своих жизненных занятий и призваний.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

человек с положением, офицер в чинах или известный коммерсант говорят по-французски и тотчас же отдают в ваше распоряжение свой дом, свой стол, свой экипаж... Путешествие по России – одно из самых прекрасных, которые я совершил»¹.

Следующая остановка А. Дюма была в Саратове. Вот что пишет С.Н. Дурылин:

«Повествование о саратовском гостеприимстве самого Дюма в книге “En Russie” исполнено искреннего удивления перед заботливым радушием, с которым встретили его в Саратове прикомандированный к губернатору чиновник министерства внутренних дел, кн. А.Б. Лобанов-Ростовский и полицмейстер майор Позняк: едва только Дюма, не имевший рекомендательных писем в Саратов, переступил случайно порог соотечественницы, содержательницы модного магазина г-жи Сервье, как “к нему явились князь и полицмейстер с приглашениями на обеды, с подарками”. Повествование Дюма неожиданным образом восполняется таким рассказом о том же жандармского осведомителя:

Начальник 7-го округа
корпуса жандармов
Октября 23-го дня
1858 года
№ 111
В Казани

*Шефу жандармов и главному начальнику
III отделения собственной его
императорского величества канцелярии,
господину генерал-адъютанту и кавалеру
князю Долгорукому 1-му*

В дополнение докладной записки моей от 9-го сего сентября за № 102, честь имею вашему сиятельству донести, что, как видно из донесений штаб-офицеров: французский писатель Александр Дюма отправился из Казани в Астрахань; в Симбирск не заезжал, в Самару прибыл на пароходе и с него на берег не сходил и вскоре отправился в Саратов, куда прибыл 8-го числа сего месяца, потребовал извозчика, поехавши с ним по городу, расспрашивал у него – не живет ли кто в Саратове из французов, и когда узнал о проживании там француза Сервье, торгующего дамскими уборами, отправился к нему в магазин, куда вскоре приехал саратовский полицмейстер майор Позняк... На другой день в 10 часов утра были у Дюма на пароходе чиновник, состоящий при саратовском губернаторе, князь Лобанов-Ростовский и полицмейстер Позняк, с которым Дюма, едзя по Саратову, заезжал к фотографу, снял там с себя портрет и подарил его г. Позняку и потом отправился обедать к нему; тут были: председатель Саратовской казенной палаты статский советник Ган, полковник, служащий в VII округе путей сообщения Терме и князь Лобанов-Ростовский. После обеда г. Дюма при сопровождении вышеозначенных лиц отправился на пароход и в 5 часов вечера отплыл в Астрахань... Разговор г. Дюма вел самый скромный и заключался большей частью в расспрашивании о саратовской торговле, рыбном богатстве реки Волги и разной промышленности саратовских купцов и тому подобном.

[Подпись]»².

Надзор за популярным писателем продолжался во все время его пребывания в России, вплоть до того момента, пока он в Поти сел на пароход, отплывавший в Константинополь³.

Говорят, о Дюма в Саратове сохранился забавный анекдот. Писатель решил посетить одну книжную лавку, но хозяин лавки, зная о том, что великий романист приехал и вполне может к нему заглянуть, решил сделать Дюма приятное – он выложил на прилавок только книги Дюма. И писатель действительно зашел в эту лавку. Осмотрев ассортимент, Дюма спросил у хозяина: «А где книги других писателей?» Хозяин очень растерялся и ляпнул первое, что пришло ему в голову: «А остальные книги раскупили!»⁴.

Судя по участию И.А. Гана в различных обществах и уездных органах, свою деловую деятельность он продолжил и в дальнейшем, живя в Хотилицах Псковской губернии. Так, в статье А.В. Седунова «Участие псковского земства в составлении проектов реформ», посвященной социально-политической истории XIX–XX веков, речь шла о проекте реформы

¹ Дурылин С. Александр Дюма-отец в России.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Саратов глазами Дюма-отца // Город трёх рыб (проект студенческого журнала Саратовского университета «СГУщёнка»). Режим доступа: <http://saratov-go.tilda.ws/alexandredumas>

налогообложения 1869 года, предложенном Податной комиссией. Псковское губернское земство, как и все другие, подготовило свой проект по этой проблеме. Он оказался более либеральным, чем проекты других российских земств, и обсуждался на внеочередном губернском земском собрании летом 1871 года. В статье отмечалось: «Неординарный проект замены подушной подати, отмеченный в столице, выдвинул крупный торопецкий помещик И.А. Ган. Ни слова не говоря о привлечении дворянства к налогообложению, он предлагает заменить подушную подать “более справедливым” налогом на работника. Работником он предлагал считать каждого, достигшего 16 лет: крестьянина, рабочего, т.е. представителя податного населения. Каждый работник должен был бы платить только за себя в зависимости от своих заработков. <...> Этот проект практически не обсуждался собранием, но вошел в “свод” мнений земств по вопросам налогообложения и был доложен императору»¹.

* * *

Что касается родственных отношений, то сохранилось немало свидетельств о благорасположении родственников к Ивану Алексеичу Гану и его взаимном добром внимании к ним.

К примеру, в 1836 году, когда начальство командировало его брата, Петра Алексеича Гана, в Петербург для прохождения службы в Образцовой артиллерийской батарее, И.А. Ган заблаговременно снял квартиру для его семьи и поселился вместе с ними². Петр Алексеич приехал тогда всей семьей – с женой Еленой Андреевной и дочерьми Еленой и Верой. Занятый службой, он поручил брату Ивану познакомить жену со столицей. Эти прогулки по окрестностям Петербурга, поездки в Царское Село, в Петергоф и Кронштадт доставили ей много приятных часов, которые она не уставала описывать своим близким³. Елена Андреевна ценила эстетические удовольствия, любила музыку и живопись, бывала в театрах и на выставках. О неожиданной встрече на одной из выставок она сообщала родным: «Я вдруг наткнулась на человека, который показался мне очень знакомым... Иван Алексеич в то же время сжал мне руку, указывая на него глазами и при втором взгляде сердце у меня крепко забилося... Я узнала – Пушкина!.. <...> Я, разумеется, забыла картины, чтоб смотреть на него. И он, кажется, это заметил: несколько раз, взглядывая на меня, улыбался... Видно на лице моем изобразились мои восторженные чувства!..»⁴.

Позже в письме подруге Елена Андреевна так отзывалась о брате своего мужа: «Видишь ли ты когда моего другого beau-frère [фр. брата], Jean? Что за ангельская душа этот человек, как он заботится доставлять мне удовольствие! Завтра, 11 января, мое рождение, и вот сегодня я получила от него великолепное издание всех итальянских поэтов; его внимание и этот подарок несказанно обрадовали меня»⁵.

Один из племянников И.А. Гана, Евгений Львович Марков, в книге воспоминаний «Барчуки. Картины прошлого» целые главы посвятил бабушке Елизавете Максимовне и дяде Ивану, которого родня просто обожала⁶. Если других родственников Евгений Львович представил под вымышленными именами, то для Ивана Гана изменил только отчество Алексеич на Павлыча. Здесь мы находим описание бабушкиной горницы, зимнего

---

¹ Седунов А.В. Участие псковского земства в составлении проектов реформ / Социально-политическая история XIX–XX вв. // Псков. 2000. № 12.

² По поводу статьи «Роман одной забытой романистки»: письма Н.А. Фадеевой; В.П. Желиховской и Е.Н. Ахматовой // Исторический вестник. 1886. Т. 26. № 10.

Адрес сохранился благодаря книге жителей Петербурга: «Ган, Иван Алексеев[ич], Поруч[ик], по I линии и Загор[одному] прос[пекту] № 57» (Книга адресов С.Петербурга на 1837 год. СПб., 1837). Адресные бюро существовали в Петербурге с 1809 г.

³ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. Т. 53. № 3.

⁴ Там же.

⁵ М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры: Русская женщина 30-х годов // Русская мысль, 1911, № 12.

⁶ Марков Евгений Львович (1835–1903) – сын сестры И.А. Гана Елизаветы Алексеевны и Льва Александровича Марковых (1799–1869), курского помещика. Публицист, прозаик, критик, историк, путешественник, статский советник. На автобиографическом материале построены его романы «Барчуки. Картины прошлого», «Черноземные поля», «Учебные годы старого барчука. Рассказы из прошлого».

студеного вечера и визита Ивана Алексеевича в усадьбу Александровку, родовое гнездо семейства Марковых в Курской губернии.

«Неожиданнее и радостнее этого приезда не может быть никакого другого, – вспоминал детские впечатления Е.Л. Марков. – Наша мысль отказывалась постигать ту баснословную даль, в которой он жил от Лазовки [Александровки]. Его приезды были очень редки и передавались легендами, как священные события. Все население низа и детской верило, не сомневаясь, в его рост, в его богатырскую силу, ум и богатство.

Рассматривая в фортепьянной комнате портреты разных дядей и критически сравнивая их, мы все и во всем отдавали обыкновенно предпочтение Ивану Павлычу, изображенному в виде статного белокурого юноши в белом мундире гвардейских кирасир.

За Федором Павлычем признавали только великий талант рисования, за Павлом – храбрость на войне, ибо у него на лице был рубец от сабли, все остальное было у одного дяди Ивана.

И он вдруг здесь с нами, он наконец приехал к нам в Лазовку!.. – Что-то он нам покажет? Каких вещей небось привез, картин и книг; – А завтра учиться не будем! восторженно стучится в груди... – Чего-то он нам в гостинец привез? застучало еще восторженнее... Все помнили – какие великолепные вещи присылались дядей Иваном из Петербурга. Бабушкина самая нарядная мантилья – какого-то узорного бархата с черным стеклярусом – его подарок. Эти прекрасные, широкие шарфы с яркими цветами, которые сестры надевали на мамашины именины – тоже он прислал. У маменьки в шифоньерке до сих пор хранится изящная высокая бонбоньерка с атласным кисетиком, под заглавием “Ивана Павлычева бонбоньерка”; нам всем памятно наперечет затейливые конфеты, наполнявшие когда-то этот корнет... там была крошечная колода карт с бубновым тузом наверху, там был араб на шоколадном жеребце, похищающий красавицу, шоколадные печерицы на помадных ножках, куриные яйца с ликером внутри, и много-много чудес, доводивших нас до головокружения»¹.

Особый интерес у племянников Ивана Алексеевича вызвала разборка его вещей: «Чужой лакей почувствовал очевидное неудовольствие при нашем появлении в диванную, но не смел нам этого сказать и продолжал свою разборку. Глаза наши разбежались, когда он стал вынимать из прекрасного глянцевого чемодана, раскинутого на две половины, фарфоровые мыльницы, хрустальные флакончики, пушистые щетки, сияющий футляр с бритвами, серебряный дорожный прибор со стаканом и вилками, много-много вещей, из которых некоторые были отроду нами невиданны. Все это так пахло холодом, все так было ново и красиво.

Мне представлялось, что дядя вдруг войдет и подарит нам все эти вещи; я раздумывал, кому из нас назначит он мыльницу с зеленым мылом, кому складное зеркало, кому футляр с очками... На стуле лежали стопою разные прекрасные платья, сюртуки и жилеты, покрытые сверху пестрым фуляровым платком и плательною щеткою.

Мы быстро пересчитывали все эти панталоны, пальто и жилеты, чтобы тотчас известить о своих открытиях сестер, нянек и остальных братьев. <...>

Белье у дяденьки совсем не такое, как у нас в доме! Какие у него тоненькие полосатые носки, какие вышивания на рубашках – нас просто смех разбирал; как барышня – все тонкое да нежненькое носит! – иронически думали мы. Галстуков-то, галстуков! – Какой же он может быть казак, коли такой модник!..»².

«Какое веселье от самой неожиданности этого веселья, оттого, что не подается ужин в урочный час, и не в урочный час напротив подается чай, подается не всем, а одному только дяденьке... А в бабушкиной комнате столько свечей и народа, и такой гвалт! папенька кричит так громко и весело, шутит и хохочет, что с ним не часто бывало. Все говорят в одно время, смеются, перебивают друг друга, спрашивают и махают руками. Даже на молчащих устах и в молчащих глазах играет такая жизнь и радость! У бабушки расцвели все морщинки, все складочки. Она счастлива и взволнована, как ребенок, и ежеминутно утирает глаза своим батистом, не переставая сиять радужными улыбками. Дядя несколько раз подходил к ней

¹ Марков Е.Л. Барчуки. Картины прошлого. СПб., 1875.

² Там же.

среди разговоров и долго стоял, наклонившись к ее руке; он несколько раз также крепко обнимал маменьку, которая плакала от радости у него на плече...

О чем говорилось, мы понять не могли; мы слышали, как шумело в воздухе что-то оживленное, веселое, что все были довольны. Говорили о каких-то неведомых нам делах и людях, иного не договаривали, оглядываясь на нас, иное добавляли по-немецки...»¹.

Когда происходила эта неожиданная встреча, в каком году, можно только догадываться. Судя по всему, Иван Алексеевич уже вышел в отставку, жил в Петербурге и находился на гражданской службе.

* * *

Вполне известно, как сложилась семейная жизнь И.А. Гана. Его первой женой стала Лариса Михайловна Голенищева-Кутузова (1816–ок. 1851), дочь владельца села Хотилицы, гвардии прапорщика, титулярного советника Михаила Ивановича Голенищева-Кутузова (1777–1845)².

Село Хотилицы Торопецкого уезда Псковской губернии (с 1967 Андреапольского района Тверской области) – одно из родовых имений Голенищевых-Кутузовых, дальних родственников генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского³. В XIV–XVII веках Голенищевы-Кутузовы служили стольниками, воеводами в Торопце, жалованы многочисленными угодьями, в том числе в Хотилицах. Усадьба, построенная во второй половине XVIII века, принадлежала Михаилу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, а в 1823 году, как отмечается в краеведческих источниках Тверской области, была продана помещикам Ганам⁴. Основанием для этого вывода послужили ошибочно истолкованные сведения из книги А.А. Галашевича «Торопец и его окрестности», опубликованной в 1972 году издательством «Искусство» в серии «Дороги к прекрасному»:

«В начале XIX века хотилицкие владельцы начинают беднеть. В 1823 году Михаил Иванович Голенищев-Кутузов пишет прошение внести его недоросля сына в родословие, а в скором времени имение приобретают новоиспеченные российские дворяне, выходцы из Швейцарии, – Ган. Будучи более практичными людьми, видимо, обладая опытом европейского ведения хозяйства, Ган очень быстро превращает имение в доходное. Уже в середине XIX века здесь начинается обширное хозяйственное строительство»⁵.

Однако это «скорое время» растянулось еще почти на четверть века, когда дочь Михаила Ивановича Голенищева-Кутузова, уже замужем за И.А. Ганом, унаследовала Хотилицы после смерти отца.

Последние годы своей жизни М.И. Голенищев-Кутузов, по сведениям краеведов, провел в другой своей вотчине – в селе Бологово, в то время Холмского уезда Псковской губернии, и похоронен на сельском погосте у стен разрушенной в 30-е годы церкви. До наших дней сохранился надгробный памятник с начертанными на нем именами Михаила Ивановича Голенищева-Кутузова, его супруги и сына Арсения. Генерал-майор Арсений Михайлович Голенищев-Кутузов, которого трудно назвать недорослем в 1823 году, родился в 1800 и скончался в 1860 году, будучи начальником Штурманского училища в Кронштадте⁶.

---

¹ Марков Е.Л. Барчуки. Картины прошлого.

² Шумков А.А. Хотилицкие Ганы.

³ Ветвь псковских помещиков Голенищевых-Кутузовых происходит от Василия Степановича Голенищева. В восьмом колене от него титулярный советник Михаил Иванович Голенищев-Кутузов, владелец погоста Хотилицы Торопецкого уезда, в 1823 г. просил о внесении сына его в родословие, сообщая, что герб их рода утвержден в 1811 г. От той же ветви Василия Степановича Голенищева и тоже в восьмом колене происходил Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1754–1813) (Графы и дворяне Голенищевы-Кутузовы // История родов русского дворянства / Сост. П.Н. Петров. Т. 1. СПб., 1885).

⁴ Хотилицы // Энциклопедический справочник. Тверская область. Режим доступа: http://region.tverlib.ru/cgi-bin/fulltext_opac.cgi?show_article=1518; Исторические места // Андреапольский муниципальный округ (офиц. сайт). Режим доступа: <http://admandreapol.ru/turizm/1923-2018-08-10-13-40-56>; Андреапольский район // Литературная карта Тверского края (сайт). Режим доступа: <http://litmap.tverlib.ru/andreapolsky/raion.htm>

⁵ Галашевич А.А. Торопец и его окрестности. М.: Искусство, 1972.

⁶ Зеленой А.И. Исторический очерк Штурманского училища 1798–1871. Кронштадт, 1872.

Благодаря изысканиям генеалога А.А. Шумкова известно, что Лариса Михайловна Ган являлась владелицей «недвижимого имения в Торопецком, Новоржевском и Холмском уездах, полученном от отца по раздельному акту с сестрой Анной Михайловной Карамышевой, урожденной Голенищевой-Кутузовой, учиненному в январе 1847 и утвержденному 2-м департаментом Санкт-Петербургской палаты гражданского суда постановлениями от 10.2.1847 и 2.5.1847»¹. А ранее, в 1846 году, по случаю смерти отца его дочери, жена отставного гвардии полковника Анна Михайловна Карамышева и жена надворного советника Лариса Михайловна Ган, приглашали кредиторов, должников и всех лиц, имеющих «какие-либо претензии долговые на покойном, объявить о том в положенный законом срок, представив законные на то доказательства...»².

Что касается усадьбы Хотилицы и ее нынешнего состояния, можно только вздохнуть – в ближайшие годы она может быть полностью утрачена. Ниже приводятся фотографии, свидетельствующие о ее неуклонном разрушении год от года.

В семье Ларисы Михайловны и Ивана Алексеевича Гана родилось двое детей³:

– Елизавета Ивановна Ган (р. 1844). Определением Псковского дворянского депутатского собрания от 18.01.1877 года сопричислена к роду. Вышла замуж за Эраста Константиновича Жеребцова, дворянина Елисаветградского уезда Херсонской губернии, сына юнкера 1-го Бугского уланского полка, затем штабс-ротмистра Константина Матвеевича Жеребцова;

– Алексей Иванович Ган (р. 1851, С.-Петербург). Крещен в церкви Почтового департамента. Определением Псковского дворянского депутатского собрания от 13.12.1872 года сопричислен к роду. Впоследствии владелец села Хотилицы и совладелец других деревень. 1-я жена – Елена Ивановна, по мужу Ган, умерла в 1886 году 25 лет от роду. 2-я жена (1893) Ольга Ивановна Музылева (р. 1858) из граждан города Митавы, евангелическо-лютеранского вероисповедания. Алексей Иванович Ган входил в список дворян Торопецкого уезда, имеющих право голоса, был гласным Торопецкого уездного собрания, имел винокуренный завод и занимался откормом крупного рогатого скота, в 1909–1914 годах – церковный староста погоста Хотилицы-Лобно⁴.

После смерти Ларисы Михайловны Ган ее наследники (муж, дети Елизавета и Алексей – под опекой по указу Торопецкой дворянской опеки, а затем попечением отца) в ноябре 1851 года получили право на владение селом Хотилицы и другими деревнями Торопецкого, Новоржевского и Холмского уездов. Всего на тот час в этих уездах числилось 7950 десятин земли. Постановлением Торопецкой дворянской опеки от 28.02.1868 года по достижении совершеннолетия владельцев имение из ведения опеки исключено и отдано в распоряжение владельцев⁵.

Вторая жена И.А. Гана (1852, С.-Петербург) – Елизавета Ивановна Хатова (р. 1831), дочь военного педагога, дежурного штаб-офицера при главном директоре Пажеского и кадетских корпусов, затем директора Александровского малолетнего кадетского корпуса, с 1855 года члена Совета военно-учебных заведений, состоящего по пехоте, генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ильича Хатова 2-го (1784–1875), племянница военного писателя, генерал-лейтенанта А.И. Хатова (1780–1846), фрейлина двора Е.И.В.⁶ По определению Герольдии Правительствующего Сената от 28.11.1835 года она получила свидетельство о дворянстве (на основании личных заслуг своего отца). И.И. Хатов 75 лет

¹ Шумков А.А. Хотилицкие Ганы.

² Там же. Псковские губернские ведомости. 1846, 2 января. № 1. Часть неофициальная.

³ Там же.

⁴ Шапошников Н.В. Дворянский адрес-календарь на 1897 год. СПб., 1896; Памятные книжки Псковской губернии на 1893, 1895, 1905–1906, 1909–1910, 1913–1914 гг.; Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1899.

⁵ Шумков А.А. Хотилицкие Ганы.

⁶ Там же; Хатов Иван Ильич // Русский биографический словарь: Фабер – Цявловский. СПб., 1901; Хатов Иван Ильич. Некролог // Ежегодник русской армии за 1877 год. СПб., 1877.

Хатовы получили дворянское достоинство и герб по заслугам статского советника Ильи Меркуловича Хатова (1744–1800). Герб Хатовых внесен в Общий гербовник дворянских родов Российской империи, начатый в 1797 году.

состоял в офицерских чинах, большая часть его службы посвящена военно-учебной деятельности.

Дети И.А. Гана от второго брака¹:

– Александр Иванович Ган (р. 1854). Крещен в Саратовской Введенской церкви. Определением Псковского дворянского депутатского собрания от 20.04.1898 года сопричислен к роду. Жена – София Андриановна Самарина, дочь сердобского купца. Воспитывался в частном учебном заведении. В 1874 году вступил в службу унтер-офицером в 9-й драгунский Казанский полк, в 1875 году командирован в Елисаветградское кавалерийское училище. В 1877 году по собственному желанию отчислен от училища в свой полк, который находился в Болгарии под Плевной. Участник Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, в составе Плевенского отряда неоднократно бывал в атаках и окончательном взятии Плевны. В январе 1878 года участвовал в бою под Филипполем и окончательном разбитии армии Сулейман-паши, а затем в преследовании противника в Родопские горы. Награжден за геройство знаком отличия Военного ордена Св. Георгия 4-й степени. После увольнения в запас в 1879–1897 годах занимал разные должности, в т.ч. начальника, на станциях Моршанско-Сызранской, Оренбургской, Тамбовско-Саратовской, Орловско-Грязевской, Сызранско-Вяземской железной дороги;

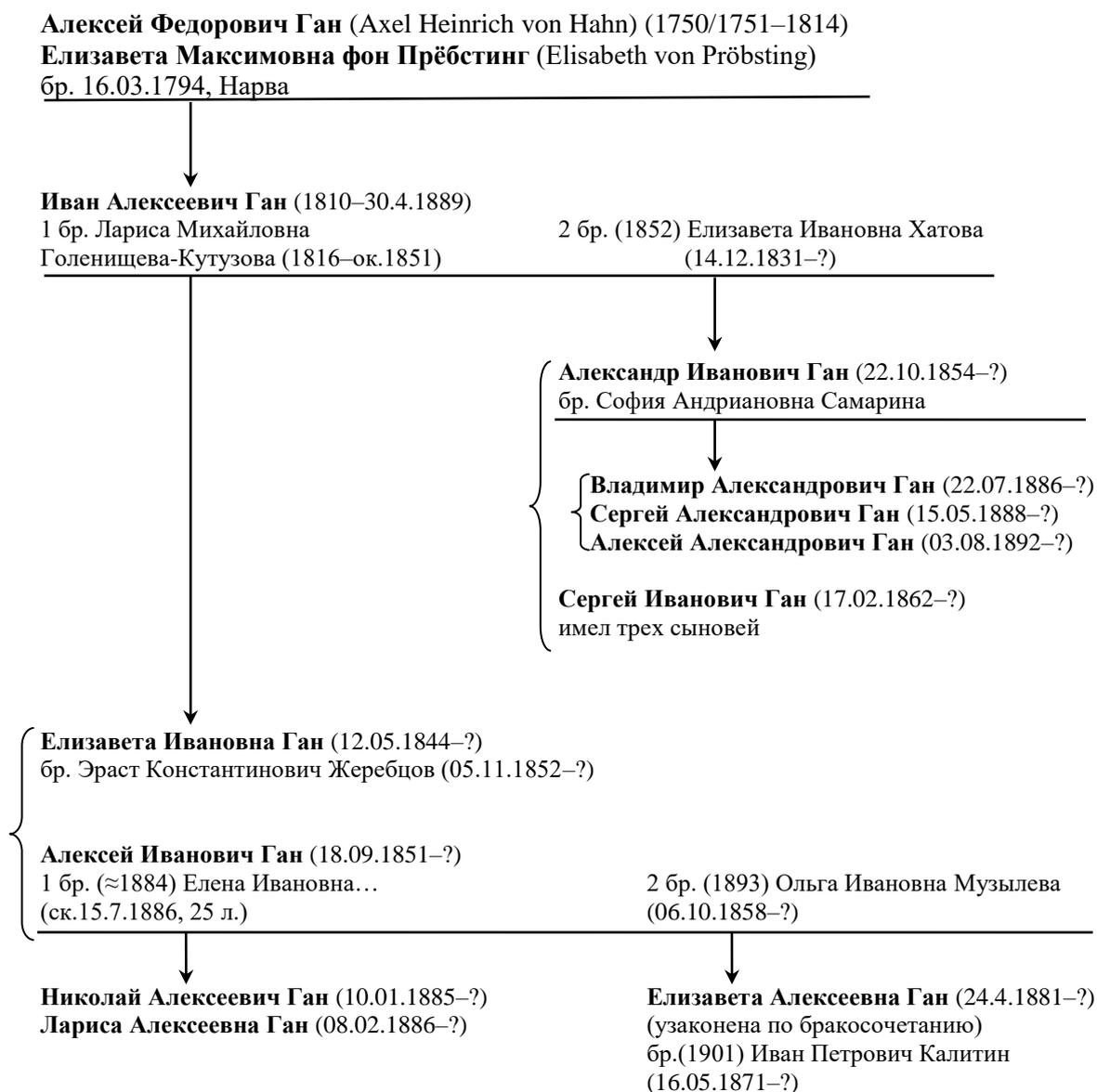
– Сергей Иванович Ган (р. 1862). Определением Псковского дворянского депутатского собрания от 20.04.1898 года вместе с тремя сыновьями был сопричислен к роду.

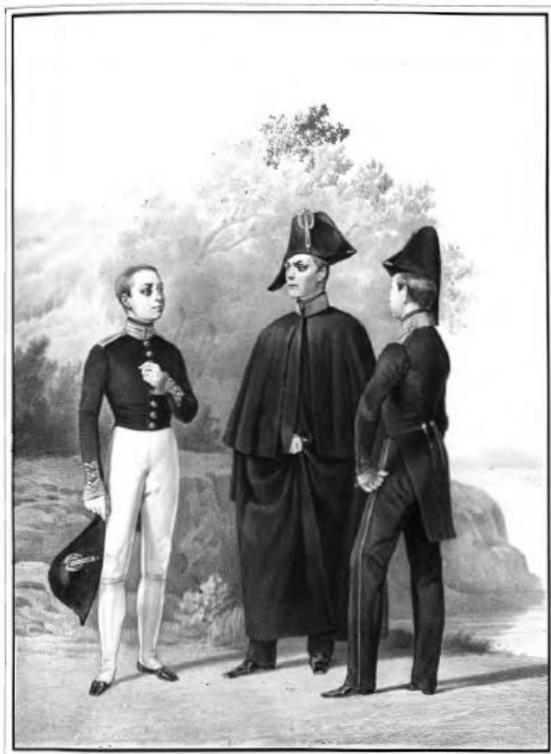
Сведений о судьбе хотилицких Ганов после революции нет. Как сообщает А.А. Шумков: «Слабый свет пролило короткое электронное письмо Екатерины Антипиной из Нижнего Новгорода: “...В Хотилицах перед революцией... служила моя прабабушка Ефросинья, Алексей Иванович Ган отдавал ее замуж, а его дочь Лариса крестила мою бабушку и ее брата. Бабушка рассказывала, что эта Лариса была очень доброй и всегда что-нибудь им дарила. Знаю, что когда началась революция, вся семья Ганов уехала в Торопец, а затем за рубеж”»².

---

¹ Шумков А.А. Хотилицкие Ганы.

² Там же.

Пажи в бальной, в шинели и праздничной форме (1827–1852)

Камер-паж и паж в строевой форме (1827 и 1828)¹

Лейб-гвардии Кирасирский полк. 1813–1827

На рисунке представлены офицер-кирасир (в центре) и нижние чины — конный и пеший, в касках из черной лакированной кожи. Железная черёпанная кираса (образца 1812 года, у всадника) состояла из двух половин, передней и задней, и спереди имела выступ — гребень.

Лейб-гвардии Кирасирский его величества полк. 1831–1845

На рисунке представлены двое офицеров и унтер-офицер (справа). «1831 года февраля 27-го лейб-гвардии Кирасирскому его величества полку повелено иметь на передней части кирас изображение двуглавого орла, у нижних чинов из красной меди, у офицеров вызолоченное».

Форма одежды лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка²

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. СПб., 1862.

² М.: Издательство «Белый город», 2012.

Греков М.П. Атака Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка в 1813 году. 1911

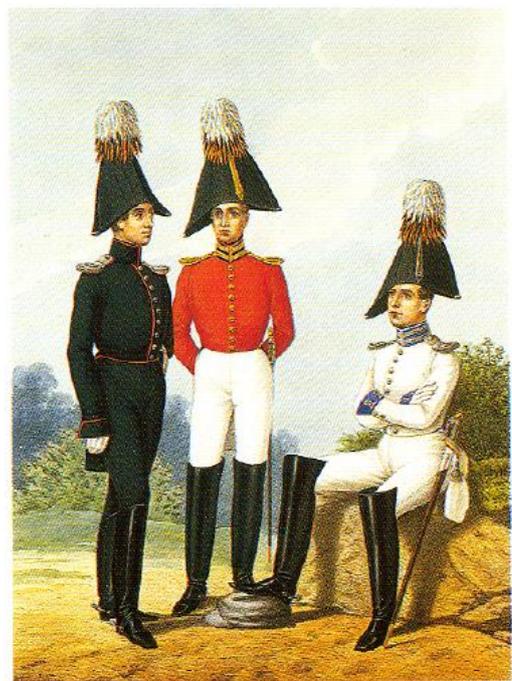
Лермонтов М.Ю. Атака лейб-гвардии гусар под Варшавой 26 августа 1831 года. 1837

Чернецов Г.Г. Парад и молебствие по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге. 1837

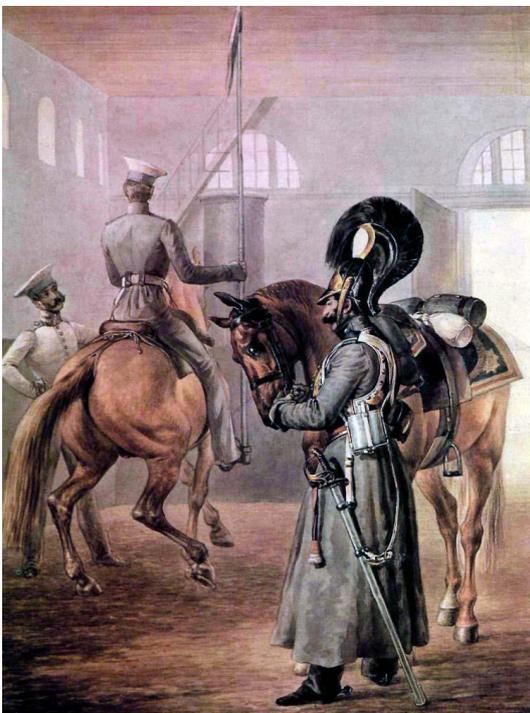
«В XVIII столетии среди гвардейцев широкое распространение получил фольклорный военный цикл известный под названием “Журавель”. В этих куплетах каждый полк выхвалял себя и подмечал негативные черты у других. Предполагается, что у истоков этого необычного творения стоял тогда еще молодой унтер-офицер Г.Р. Державин. <...> Журавлем этот цикл именуется потому, что поется на мотив народной песни “Журавель”, начинающейся словами: “Соберемся-ка, друзья, да споем про журавля”, а завершается каждое двустихие припевом: “Жура, жура, жура мой, журавушка молодой”. Складывались куплеты и о кирасирах, в том числе о гвардейских:

...
*А кто строен, очень мил?
 Это желтый кирасир.*
*Как старушку соблазнить,
 Надо гатчинца спросить.*
*Кто в старушках знает толк?
 Кирасирский синий полк»¹.*

Обер-офицеры лейб-гвардии Кавалергардского, Конного и Кирасирского Ее Величества полков (1814–1825)

В 1830–1831 годах в Царском Селе были построены казармы, конюшни, манежи и другие здания для размещения лейб-гвардии Его Величества Кирасирского полка. По окончании Польской кампании 27 февраля 1832 года кирасиры прибыли в Царское Село и после молебна в Софийском соборе приступили к обустройству военного городка. Император Николай Павлович изволил изъявить кирасирам, совершившим многотрудный поход, свое благоволение и присутствовал при занятии полком новых казарм².

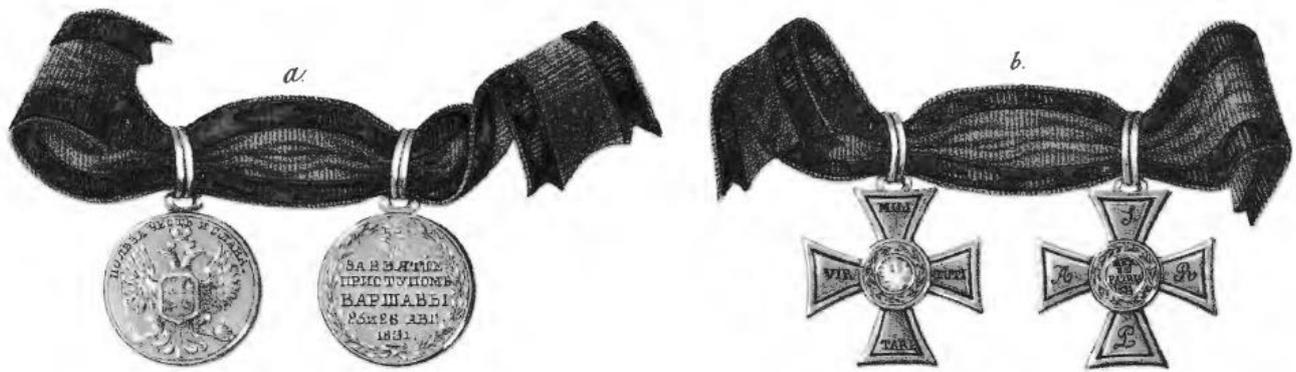
Зауервейд А.И. В манеже лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. 1830-е гг.

«На первом плане изображен кирасир в полной зимней строевой форме, в кирасе, надетой поверх шинели, перед выездом на учение, замундштучивающий оседланного с полным вьюком коня. О том, что полк гвардейский, свидетельствуют андреевские звезды на вальтрапе и пистолетных кобурах седла. В глубине слева виден унтер-офицер, разговаривающий с молодым кирасиром, сидящим на лошади. Судя по хорошо сшитой куртке и щегольской бескозырке, этот всадник юнкер, будущий офицер, которого обучает езде старослужащий “дядька”, знающий свое дело назубок»³.

¹ Введенский Г.Э. Кирасиры. Кавалерия Российской армии. СПб.: Изд-во «Аврора», 2004.

² Энциклопедия Царского Села. Режим доступа: <https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/kadetskii-3---9-gorodok-leib-gvardii-kirasirskogo-polka-5-yi-gorodok.html>

³ Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л.: «Художник РСФСР», 1988.

Медаль для офицеров «За взятие приступом Варшавы» 1831 года (а) и «Польский знак отличия за военное достоинство» (б)¹

Внешний вид медали за взятие Варшавы: на аверсе – двуглавый орел, на груди у которого порфира с одноглавым польским орлом. Сверху надпись: «ПОЛЬЗА ЧЕСТЬ И СЛАВА». На реверсе расположены слова, давшие название медали, и даты штурма: «25 и 26 АВГ. 1831». По кругу лавровые ветви, наверху, в сиянии, небольшой крест.

«Польский знак отличия за военное достоинство» ведет свою историю от польского военного ордена *Virtuti Militari*, учрежденного последним королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским 22 июня 1792 года в честь победы над российскими войсками во время Русско-польской войны. После усмирения Польского восстания вошел в наградную систему Российской империи. Именной указ императора Николая I от 31 декабря 1831 года «Об установлении медали в воспоминание покорения Варшавы» гласил: «В ознаменование отличных заслуг, оказанных Армиею Нашею в продолжение военных действий противу польских мятежников, Я признал за благо возложить на всех чинов ее, непосредственно в сих действиях участвовавших, принадлежавший Царству Польскому знак отличия за военные достоинства и, сверх того, установить особую на ленте того же знака отличия медаль в воспоминание покорения Варшавы»².

Захват Мальты Наполеоном в 1798 году положил начало катастрофическому развалу ордена иоаннитов. Европейские государства, на территории которых находилось имущество ордена, спешили расхватать его, не заботясь о формальностях либо прикрыв это сохранением от всего бывшего только названия да знаков – для пополнения своего набора орденов. Одной из первых так сделала Бавария. Пруссия в 1810 году секвестровала имущество Бранденбургского приората и объявила орден прекратившим существование, а в 1812 году провозгласила учреждение Королевского светского ордена иоаннитов («*Königlich Preußischer St. Johanniterorden*»). На месте лилий в уголках мальтийского креста появились прусские орлы. Разным категориям награжденных крест выдавался разных размеров, соединенный с короной и с золотыми орлами для одних, без короны и с черными орлами для других. Прусский светский орден Святого Иоанна Иерусалимского

пожалован И.А. Гану королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV в 1854 году за составление для прусского Почтового ведомства статистического почтового атласа России на немецком языке.³

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. СПб., 1862.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). СПб., 1831.

³ Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа. 1963; *Preußische Orden: Johanniterorden // Preussen – Пруссия* (офиц. сайт). Режим доступа: <http://www.preussenweb.de/prorden.htm>; Шумков А.А. Хотилицкие Ганы.

Здание Санкт-Петербургского почтамта. 1830 год¹.
В Почтовом департаменте И.А. Ган служил в 1843–1854 годах

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

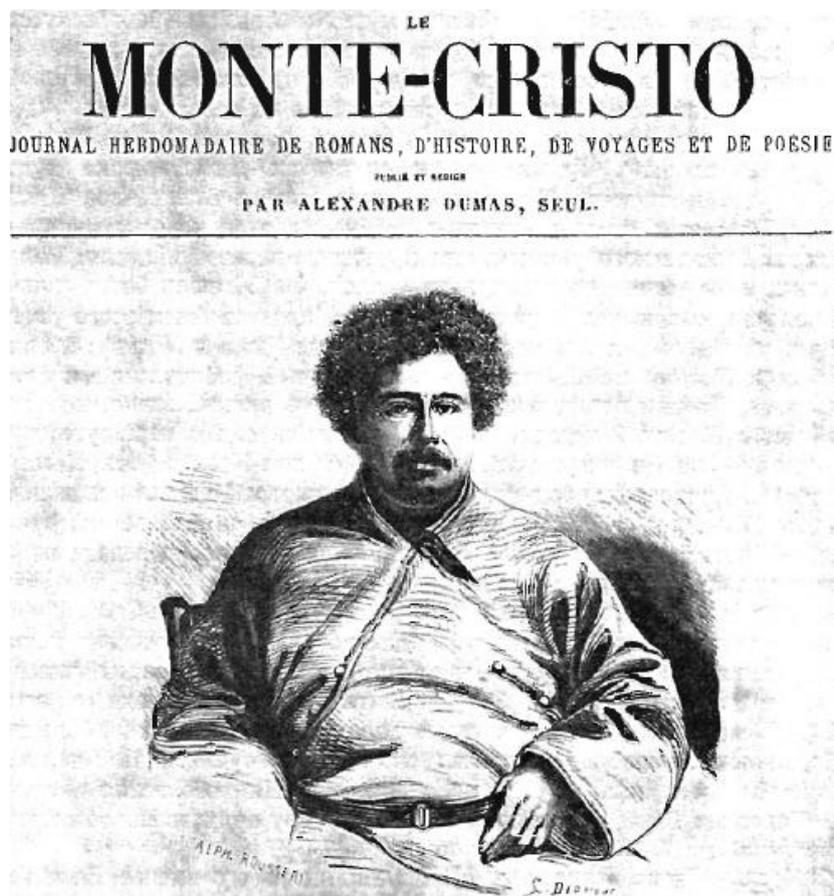
I. О почтахъ въ Россіи. Д. Чл. П. А Гана.	
Историческія свѣдѣнія о постепенномъ устройствѣ почтъ и сравнительное изложеніе состоянія почтъ, количества корреспонденціи, почтовой таксы и пр. въ настоящее время съ 1825 годомъ въ Россіи и съ главными иностранными государствами за послѣдніе годы	1
Письменныя сношенія въ Россіи въ 1849 и 1850 годахъ.	
1. Количество корреспонденціи	48
2. Заграничная корреспонденція	52
3. Денежныя отправленія.	53
4. Почтовые доходы	60

Оглавление сборника статистических сведений о России, изданного статистическим отделением ИРГО в 1854 году, со статьей И.А. Гана «О почтах в России»

¹ Знай Город: Санкт-Петербург (сайт). Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/zn_gorod/iz-saraia-v-pervyi-peterburgskii-atrjum-5af0022d5a104f06b8f93bba

Председателем Казенной палаты в Саратове И.А. Ган служил в 1854–1863 годах

Портрет Александра Дюма по фотографии, снятой в Астрахани, на странице журнала «Le Monte-Cristo» от 9 декабря 1858 года¹

¹ Дурьлин С. Александр Дюма-отец в России // Литературное наследство. Т. 31–32. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

В усадьбе Хотилицы Торопецкого уезда Псковской губернии (ныне Андреапольского района Тверской области) И.А. Ган проживал в 1863–1889 годах

Старинный Торопец

А.Н. Яхонтов. Стихотворения о Статистическом комитете, казнокрадстве, взятках и гласности

Из книги: Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л.: Советский писатель, 1968. (Библиотека поэта).

Статистический комитет

Говорят, что опять Статистический
Возникает у нас комитет!
Он является периодически
С губернатором новым на свет.
Как в периодах русской словесности –
Этой книги из белых листов –
Русский ум пропадал в неизвестности
В глубине до петровских веков,
Так и наш комитет не похвалится,
Что работают наши умы;
Поживет, проживет – и провалится
В бездну хлада, забвенья и тьмы.
Не вотще ль министерство дел внутренних
Обращает к нам велий свой глас?
Нет, сейчас мы подтянемся!.. Утренних
Заседаний не будет у нас.
Кончив день и его треволнения,
Пообедав, соснув вечером,
Благородного полные рвения,
Мы спешим в губернаторский дом.
Тут всех ведомств сидят представители:
И директор гимназии здесь,
И уездных порядков хранители,
И попы, и купцы, и учителя –
Всех сословий приятная смесь.
За зеленым столом, без различия,
Заседают, далеки от зла,
С тонким тактом и чувством приличия,
При усиленных средствах тепла,
Первым делом идет – чаепитие:
В предварительный сей период
Каждый верит в успех и развитие
Бескорыстных грядущих работ.
Важность, цель статистической миссии
Сознаем, проповедуем мы;
Избираются тотчас комиссии,
Секретарь возникает из тьмы...
Видим розы вдали мы... А тернии?
Их не будет на нашем пути!
Штука в чем? – Населенью губернии
Одnodневный итог подвести.
Но... на первых порах уж сомнительно,
Чтоб успехом увенчан был труд:
Широки ведь уезды! Решительно
Нет людей – что поделаешь тут?
Где найти нам усердия рьяного?
Не умеют писать старшины,
Вся надежда на писаря пьяного...
Грамотеи у нас сочтены.
Есть у нас и училища штатные
И над ними – смотрительский глаз,
Школы земские, школы бесплатные –
Много их на бумаге у нас!
(Всё ведь терпит бумага безгласная.)
Отчего ж у нас темен народ?
Что же грамотность наша несчастная
Шагу сделать не может вперед?..
Мы об этом судить не обязаны:

В субкомиссии всё разберут –
Ей и прусские формы указаны –
Нас вопросы дальнейшие ждут.
Что там далее? Промыслы местные
И народная наша мораль?
Цифры выводов тут – интересные,
Да поди собери их! А жаль!
Сколько льну мужичками посеяно,
Сколько в ригу на брак свезено,
Сколько хлеба смолочено, свезено,
Сколько ржи превратилось в вино?
Для питейных – графа особливая:
Их удел возрастать и цвести!
Дальше мысль возникает счастливая:
Проституткам итог подвести.
Дальше – новая рубрика: следуют
Цифры плутней, разбоев и краж,
Что суды окружные преследуют,
Словом – всякий скандал и пассаж.
Как точнее собрать эти сведенья?
Вот задача! И спор начался.
Кто-то, кончивший курс правоведенья,
Собирать их на месте взялся;
Кто-то мысль заявляет, что сотские
Для уездной статистики – клад,
А другой, что попы лишь приходские
Все задачи как раз порешат.
Член один указал на полицию,
Но ее ненадежной нашли...
Тут – исправник вломился в амбицию,
И пошли, и пошли, и пошли!
Всяк талант заявляет ораторский,
Не давая другим говорить,
И лишь голос один губернаторский
Властен бурю страстей усмирить.
Велико в нас к статистике рвение,
Но средь этого шума всего,
Затевая горячие прения,
Каждый носит в душе убеждение,
Что не выйдет из них ничего.
Не прийти к одному знаменателю
Всем дробям одиночных трудов,
И единому ведом создателю
Сладкий вкус комитетских плодов.
1869

Старый грех

В отставке чистой, вольной птицею,
Пять лет гулял я за границею,
Но наконец, чтоб на пути
Не выросли шипы да тернии,
Скрепясь, решился я войти
В черту родной моей губернии.
Я мельком слышал на водах,
Что возродилась наша нация,
Что правда царствует в судах,
Что на Руси – эмансипация.
Носились слухи и о том,
Что мыслить нет уже опасности,
Что все хлопочут об одном:

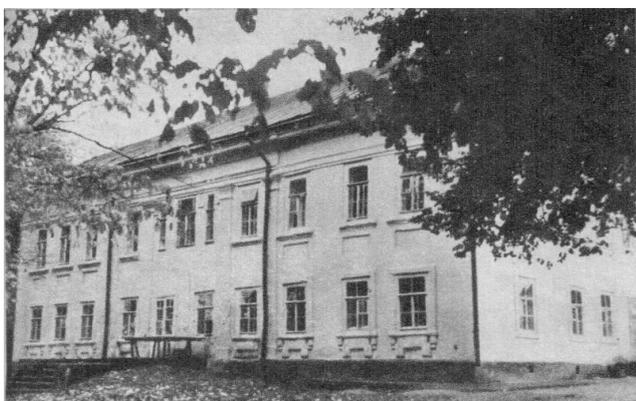
«Побольше гласности да гласности!»
Что, словом, всё у нас – вверх дном.
Сойдись с соседом по имению,
«Ну, слава богу! – говорю. –
И мы шагнули к просвещению!» –
И знаменье креста творю.
«Теперь-то, с новыми порядками,
Над казнокрадством и над взятками
Повиснет дамоклов меч!
Пора нам этот грех наследственный,
Зловонный струп заразы бедственной,
Стряхнуть с здоровых наших плеч!»
– «Да, уповать нам позволяется
И верить запрету нет!» –
Мне отвечает мой сосед
И ядовито ухмыляется,
«Как! И реформа не могла
Обмыть волною освежительной
Гниль этой язвы отвратительной
Нас разъедающего зла?»
– «Гигиеническими мерами
Лечить заразу нелегко!..
Ходить не будем далеко
За современными примерами:
Вот – наш уездный казначей –
Страж всецелительных ключей –
Черпнул из них в минуту грешную
И ввержен был во тьму кромешную!
А земский деятель один –
Великолепный господин, –
Который с благодушной миною
Кормил властей в день именин
Размеров страшных осетриною,
Управой земскою вертел
И слыл душою неподкупною,
Всё ж под конец не утерпел
И суммой поживился крупною».
– «Возможно ль? Кто ж себе-то враг?
А гласность? Хроника скандальная?
Решиться на подобный шаг –
Самоубийство, смерть моральная!
Одно уж то, что гласный суд!
Представьте только положение,
Когда к скамье вас приведут!..
Исход, достойный размышления!
Представьте вы себе позор,
Когда вас битый час мучительный
Жует в мундире прокурор,
Рисуясь в речи обвинительной!
Что перечувствуешь, когда
Толпою ввалятся присяжные
И вымолвят: “Виновен! Да!”
Ведь это – судьи непродажные.
И сколько мук переживешь,
Пока в судейской - совещание,
Пока над вами точат нож,
Вершат бескровное заклятие!
И вдруг – раздастся: “Суд идет!”
Все встанут... Каково мгновение!
Хоть провалиться бы!.. Так нет:
Стой и выслушивай решение!
Тут не запрешься под замки,
Тут – не юстиция сословная,
Не канцелярские крючки
И не палата уголовная!

А завтра – прогремит печать,
Неумолимая, задорная...
Новинка: как не прокричать? –
И понеслася весть позорная!
(Есть погулять где на Руси:
Широко – боже упаси!)
Пути ей служат непроездные –
Проселок, земский перевоз,
И пароход, и паровоз,
И нити на столбах железные,
У ней – свой толк, свои права...
И вот – с прикрасой неизбежною –
Растет всё больше, глыбой снежною,
Тысячеустая молва».
– «Так-с, но скандальным происшествием,
Газетным громовым известием
Не удивишь ведь никого:
Ведь не крушение вселенная?
Так портить кровь из-за чего?
Дела всё это обыденные,
Прочтут статью и заключат:
Запутался! Как говорят
Про нашего отца Василия:
Гуляет! (Какова идиллия?)
Иль о разбойниках: шалят!
А всесловные присяжные?
У них юстиции ключи,
Но большинство – бородачи,
И зипуны у них сермяжные.
Закон их ставит высоко:
Они-де граждане надежные,
Но... их разжалобить легко:
У них сердца такие нежные!
Чем дольше взаперти сидят,
Чем безнадежно-продолжительней
С утра их голодом морят,
Тем приговор их умилительней.
Есть к оправданию предлог:
Закон неумолимо строг,
За посягательства греховные
Чрезмерны меры уголовные.
Но ведь случается и так,
Что, к делу приложив умение,
Не попадаешься впросак,
Внушаешь даже уважение.
Лишь явных не было б улик –
Всё добрым временем уладится:
Позор как ни был бы велик, –
Ведь и клеймо позора сгладится.
Что гласность? И какой в ней прок?
Коль векселям наступит срок
Да невтерпеж рука зачесется,
Чтоб только не попасть в “Листок”,
Ужель топиться или вешаться?
Такой великий героизм
Возможен на скамье студенческой...»
Тут только понял я комизм
Моей наивности младенческой!
Тут наконец-то, взявши в толк,
Что имя казнокрадам – полк,
Что взятки – зло заматерелое,
А грех – лишь кража неумелая,
Я устыдился и – умолк!
1873

Усадьба Хотилицы

В Тверской области представители общественности разработали проект «Тверские своды» с целью представить реальную картину состояния архитектурных, исторических и природных памятников Верхневолжья. Основным принцип работы «Тверских сводов» заключается в общественном мониторинге состояния памятников, создании и развитии базы данных на сайте проекта www.tversvod.ru, где собранная информация обрабатывается и предоставляется читателям. Задачей проекта является распространение знаний о фактическом положении памятников в регионе и, в частности, выявление тех из них, которым необходима немедленная действенная помощь по их спасению от гибели. Такие памятники занесены в категорию «Красная книга».

В эту книгу входит и усадьба Хотилицы¹. Здесь сообщается, что торопецкая усадьба, принадлежавшая семье Голенищевых-Кутузовых, а позже – Ган, является одним из значительнейших памятников на территории Андреапольского района. Включает в себя в настоящее время всего две постройки: главный дом и близкий ему по времени постройки корпус конного двора. Здания усадьбы руинированы, главный дом, по-видимому, будет полностью утрачен в ближайшие годы.

Усадьба Голенищевых-Кутузовых в Хотилицах начала складываться еще в первой половине XVIII века. В 1760 году была возведена Спасская церковь, разрушенная в советское время. В 1780-х годах при Михаиле Ивановиче Голенищеве-Кутузове построен главный дом. Его вид, когда это здание было сравнительно целым, приводится в книге А.А. Галашевича «Торопец и его окрестности» (М., 1972. С. 121).

Следующее фото 2004 года из «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область» (Т. 2. М., 2006. С. 140) свидетельствует о том, что дом уже много лет брошен.

Главное здание усадьбы признано аварийным еще в 1980-х годах, после чего обрушилось в начале 2000-х и окончательно – в 2010-х годах. Фото сделано накануне второго обрушения.

¹ *Иванов П.* Усадьба Хотилицы // Тверские своды (сайт). Режим доступа: <http://tversvod.ru/page444/?full=1>

В настоящее время южная и большая половина центральной части дома разрушена до основания. Фактически уцелел только северный торцовый фасад.

Рамочные наличники с замковыми камнями украшают и сейчас окна нижнего этажа. Не меньшей оригинальностью отличался и декор верхнего этажа. Каннелированные пилястры, которыми фасад дома был щедро украшен, имели завершения в виде своеобразно обработанных капителей.

Из первоначальной отделки в оставшейся северной части здания сохранились остатки потолочной лепнины на первом этаже и угловая печь.

Чуть лучше уцелел конный двор, близкий по стилю и времени постройки главному дому. Датировать его можно рубежом XVIII–XIX веков. На фото его состояние сорок лет назад («Свод памятников... Тверская область». С. 141), внешний и внутренний вид в настоящее время.

Очень немного уцелело в усадьбе Хотилицы от времен помещиков Ган. От парка сохранились лишь остатки с восточной стороны. Полностью утрачены еще включенные в «Свод» постройки хозяйственного двора. Как считает автор статьи, усадьбу погубило не только изначально невысокое качество ее постройки, требовавшее бережного к ней отношения, но и равнодушие, помноженное на неблагоприятные условия и нежелание ремонтировать дом. В настоящее время ансамбль брошен и погибает.

По материалам Павла Иванова. 2016 г.

* * *

Действительно, усадьба Голенищевых-Кутузовых и Ганов находится в катастрофическом состоянии и вряд ли подлежит восстановлению. Вот еще ряд фотографий главного здания, сделанные автором «Заметок к родословной Е.П. Блаватской» осенью 2015 года.

